

О Т З Ы В

официального оппонента
на диссертацию Морозова Владимира Михайловича
«Квазигосударственные вооруженные акторы в конфликтах
на Ближнем Востоке (на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ¹)»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
5.6.7 – История международных отношений и внешней политики

Представленное В. М. Морозовым диссертационное исследование является собой попытку осмыслить сложные, неоднозначные и во многом определяющие мировую политику судьбы радикальных исламских структур в условиях деглобализации и упадка ключевых международных институтов эпохи биполярного мира. Длительность существования ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ, значительные масштабы их вмешательства в социально-экономическую и политическую жизнь Ближнего Востока, комплексный и многослойный характер их идеологического оснащения, драматизм гражданских и межгосударственных конфликтов в регионе – все эти обстоятельства ставят перед историческим научным сообществом множество дискуссионных проблем. Для целого ряда их пока не найдено удовлетворительных решений как в отечественном, так и в зарубежном востоковедении. Поэтому тематику диссертации следует признать актуальной – особенно с учетом той стратегической роли, которую играет Ближний Восток среди региональных сообществ современного мира.

Рецензируемая диссертация, как представляется, обладает рядом научных достоинств. Среди них следует выделить два наиболее существенных. Во-первых, В. М. Морозов последовательно концептуализирует и типологизирует негосударственные исламские структуры и сообщества. Он разносторонне подходит к таким существенным понятиям, как «государство-изгой», «несостоявшееся государство» и «квазигосударственный актор». Более того, он сделал обобщение и теоретизацию интересующих его вопросов нормой своей исследовательской методики во всех главах работы, а особенно в первой. Следует согласиться с диссертантом в том, что в современных политических условиях

¹ Здесь и далее ИГИЛ решением Верховного Суда РФ от 29 октября 2014 г. N АКПИ14-1424С – признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Ближнего Востока нам нужно учитывать не только геополитическую реальность, но и деятельность негосударственных субъектов, которые всегда имеют свои цели и задачи (с. 8). Отсюда происходит и оправданная широта целей и задач самого диссертационного исследования: В. М. Морозову интересны и причины возникновения таких структур, и их программные установки, и организационное построение, и идеологические концептуальные основы, не говоря уже об источниках финансирования и военно-силовых возможностях.

Во-вторых, – и это обратная сторона первого достоинства, – автору удается поставить под сомнение важный и до сих пор популярный стереотип о некоей идейно-политической монолитности современных радикальных структур в исламе. Наоборот, как убедительно показано в диссертации, «Хизбалла», ХАМАС и ИГ сильно различаются по своим подходам к ценностям ислама, политической идентичности, государственному строительству, и др., что обусловило сложные, противоречивые и конфликтные отношения между ними. Внешним выражением этих разногласий служит и тот факт, что квазигосударственные силовые акторы Ближнего Востока, даже играя роль прокси, всегда имеют собственные интересы и свое независимое видение ситуации. Исходя из этого положения, В. М. Морозову удастся во многих деталях вскрыть сложный и почти всегда малозаметный для наблюдателя процесс постепенного «огосударствления» изначально антисистемных исламистских акторов.

Диссертант умело сопоставляет объекты своего исследования с деятельностью правительств ведущих государств и международных организаций. Это делает оправданным и структурно-композиционное построение диссертации. Выделение эволюции «Хизбаллы», ХАМАС и ИГ в качестве направлений изучения научной проблемы дает В. М. Морозову гораздо больше исследовательского простора, чем любая возможная форма хронологического построения работы – тем более, что организационные, политические, идеологические и военно-технические аспекты развития этих радикальных исламистских структур проявляли себя далеко не синхронно и в различной степени.

Оценивая источниковую и историографическую базу рецензируемой диссертационной работы, следует отметить ее обширность и содержательность. Исследование длительного и крайне противоречивого периода развития взаимоотношений «Хизбаллы», ХАМАС и ИГ потребовало от В. М. Морозова привлечения разнообразных по своему характеру и времени создания источников. Среди них программные документы и уставные положения квазигосударственных вооруженных акторов, богословские и юридические трактаты Средних веков и Нового времени, труды радикальных исламских мыслителей XX – начала XXI в., священные тексты исламского вероучения (Коран) и иудаизма (Талмуд), а также различного рода электоральные и пропагандистские материалы, выступления, интервью, проповеди и воззвания деятелей исследуемых организаций. Важную роль в источниковом ряде диссертации играют и материалы, почерпнутые на государственных электронных порталах (официальные заявления, доктрины, стратегии, концепции, аналитические доклады, информационные сообщения и др.). Существенным элементом источникового фундамента исследования служит и личный опыт дипломатической работы диссертанта в тех субрегионах Ближнего Востока, в которых разворачивается деятельность квазигосударственных вооруженных акторов.

Обращаясь к сюжетам, ранее рассмотренным отечественными и зарубежными историками-арабистами, иранистами и исламоведами, диссертант пошел по пути привнесения в исследование нового фактологического материала и углубления или критического пересмотра оценочных характеристик. В то же время В. М. Морозов, руководствуясь принципами научной этики, учел результаты научных изысканий своих советских и российских коллег, разрабатывавших проблематику негосударственных религиозно-политических организаций. В исследовании привлечен и обработан внушительный объем разработок зарубежных религиоведов, историков и политологов. Автором детально выявлены как общие и специфические черты, так и степень ангажированности арабской и западной историографии по исследуемому кругу проблем.

Все перечисленное позволяет говорить о важных достоинствах представленной к защите диссертации – ее фундированности и научной достоверности. Диссертацию В. М. Морозова отличает убедительный уровень владения конкретно-историческим материалом и сочетание частных приемов анализа источников с широкими теоретико-концептуальными обобщениями. Поэтому, как представляется, его работа обогащает не только специальные области исторической науки – арабистику и историю ислама, но и вооружает фактическим материалом ученых, занимающихся теоретическими проблемами религиоведения, истории общественной мысли, истории международных отношений, конфликтологии и политической психологии.

Результаты и выводы диссертационного исследования В. М. Морозова носят выраженно практический характер. Особенно это заметно в авторских предложениях методов противостояния радикализму на территории РФ. Подходы диссертанта могут получить широкую сферу применения в работе МИД России, в деятельности практических организаций, работающих на Ближнем Востоке. Констатации и выводы, а также источниковые материалы диссертации могут послужить отправной точкой для дальнейших изысканий по истории и современности арабо-мусульманского мира. Аналитическая часть данной работы может обогатить лекционные курсы по истории арабов, ислама, общему религиоведению, конфликтологии и истории общественной мысли для студентов востоковедных, да и в целом гуманитарных вузов.

Весьма положительно оценивая усилия В. М. Морозова при подготовке данной диссертации, следует высказать соображения критического характера. Они относятся главным образом к методологическим принципам и методикам проведенного исследования, а также к предлагаемым автором трактовкам и терминам, и, в некоторых случаях, к авторской манере подачи материала.

Во введении к диссертации вызывает некоторое недоумение содержание раздела «Теоретико-методологическая основа». Диссертант указывает на то, что для решения поставленных в исследовании проблем в основном

пользуется методом контент-анализа (с. 13–14), однако не раскрывает существенных для его исследования параметров этого метода. Как правило, в российском социогуманитарной традиции термин «контент-анализ» подразумевает количественный и/или качественный анализ текстов и текстовых массивов с целью содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Философский смысл этого исследовательского метода состоит в восхождении от многообразия несистематизированного текстового материала к абстрактной модели содержания текста (включая категориально-понятийный аппарат, а также присущие исходным текстам двусмыслия, коллизии, парадоксы и т. п.). Как представляется, исследовательские процедуры, примененные диссертантом, лишь частично соответствуют этой задаче. В частности, В. М. Морозов не уточняет соотношение количественного и качественного (структурного) контент-анализа в своей исследовательской работе. Также диссертант указывает на то, что он использовал исторические методы и подходы (с. 14), однако не раскрывает конкретное содержание методов и методик, которые применил. В тексте работы упоминается и «кейс-метод», который, по мнению диссертанта, позволяет идентифицировать «Хизбаллу», ХАМАС и ИГ с понятием субъектности структуры международных отношений (с. 78). В чем состоят особенности «кейс-метода», автор не уточняет. Однако внимательное чтение глав, посвященных указанным организациям, приводит к выводу, что речь идет об историографическом анализе мнений и оценок, относящихся к исламским структурам, через призму понятия акторности. Эти вопросы было бы уместно подробно суммировать и разъяснить в методологическом обзоре.

Обосновывая новизну работы, диссертант отмечает, что он использовал опыт российской востоковедной школы по изучению исламистских радикальных организаций и группировок (с. 15). Это справедливое утверждение несколько оттеняется отсутствием знакомства диссертанта с многочисленными работами известного российского исламоведа и магрибиста М. Ф. Видясовой, которые дают широкую панораму развития институтов политического ислама

на Ближнем Востоке и в Северной Африке в конце XX – начале XXI в. Думается, что работы указанного автора могли бы помочь диссертанту в большей степени учесть социальный и культурный контекст возникновения исламских движений, как в Египте, так и на западе арабо-мусульманского мира.

Также, как представляется, автору следовало бы более ясно показать логику употребления им ряда терминов. В первую очередь, это относится к понятию *халифат*. В тексте диссертации этот важнейший термин несистемно употребляется то в кавычках, то без кавычек. Автор рассуждает об «арабском халифате с атрибутами времен мусульманского ренессанса» (с. 8), не раскрывая понятия «ренессанс» применительно к исламу. Затем он пишет о «средневековой исламской государственности в виде “халифата”» (с. 33), почему-то игнорируя османский опыт халифата в XVI – начале XX в. Далее упоминаются «реконструированный арабский “халифат”» (с. 79), «архаичная форма халифатистского управления» (с. 108) без уточнения авторского понимания сущности реконструкции и архаики (между тем, оба этих понятия спорны и многозначны). Далее речь идет о «реинкарнации классического халифата» (с. 115), при этом диссертант не разъясняет, какой именно период существования института халифата он полагает «классическим». Диссертант также пишет про «халифатистов», подразумевая под этим словом сторонников ИГ (с. 112). Между тем, халифатизм – это крупное и важное историко-религиозное движение в общественной мысли исламских стран первой половины XX в.

Еще один не вполне понятный термин – «клон» и «клонирование» применительно к радикальным исламистским структурам в отношении «Аль-Ка‘иды» (с. 9, 32, 107, 346, 351). Клонирование в биологии означает получение генетически идентичных организмов (клонов). Насколько ИГ/ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и другие террористические структуры, вышедшие из общего лона «Аль-Ка‘иды», могут быть идентичны, автор прямо не пишет, но его анализ идеологической и политической эволюции «Хизбаллы» и ХАМАС показывает, что их различия превосходят по значимости их общие характеристики.

Не вполне ясны также границы применимости понятия «транснациональность» в отношении квазигосударственных вооруженных акторов. Обязательно ли для их определения влияние на мировые политические процессы? Диссертант бесспорно прав в том, что его объекты исследования «никогда не были оторваны от международной действительности» (с. 94). Однако он сам подразделяет на «местечковый» и «глобальный» характер повестки дня, возможной для КГВА, а также пишет об их способности абсорбировать других региональных акторов (с. 92) – то есть они воспринимаются и как силы регионального уровня. Также остается непонятным, как в построения диссертанта вписываются «зонтичные» структуры наподобие «Ал-Ка'иды», основанные на своеобразной исламистской франшизе громкого названия организации.

Вызывает нарекания манера подачи материала в заключении диссертации. С одной стороны, автор в основном тексте справедливо указывает на то, что в заключении он приводит основные выводы, доказывающие объективность и научную достоверность положений, выносимых на защиту (с. 79). С другой стороны, заключение пестрит цитатами и ссылками на историографию, которые по объему едва ли не равны собственным выводам автора. Думается, что такого рода массовое применение цитат в заключении неоправданно.

Чтение диссертации В. М. Морозова усложняется неупорядоченным характером построения библиографии исследования (с. 380–412). Так, например, важные и принципиальные для понимания темы исторические источники (труды Йусуфа ал-Карадауи, речи Абу Умара ал-Багдади, выступления аятоллы Хаменеи, работы Мусы Садра, трактаты Таки-д-Дина ибн Таймийи и Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба, и даже Коран и Талмуд) находятся в разделе «Литература на русском языке». В разделе «Источники» (с. 380–385) не приводится ни одного документа исследуемых организаций, но они с неочевидной целью собраны в разделе «Интернет-источники» (с. 409–411), следующем за разделом «Исследования». Между тем, источники, доступные в интернете, с методологической точки зрения ничем не отличаются от источников, изученных в

виде полиграфических текстов. К тому же в самом разделе «Источники» приводятся почти исключительно документы с электронных ресурсов. Нет необходимости специально выделять диссертационные исследования и подразделять историографию по языкам публикации. Также непонятно, почему исследовательская литература на иврите выделена в особый раздел, а литература на арабском языке включена в состав русскоязычной историографии.

В целом диссертация отличается высокой культурой письменной речи. Однако при оформлении ее текста автора все же постиг ряд технических неудач в виде опечаток и отдельных синтаксических погрешностей.

Впрочем, несмотря на указанные недостатки, следует признать, что работа В. М. Морозова выполнена самостоятельно и на высоком профессиональном уровне. Автор поставил перед собой чрезвычайно масштабную задачу и справился с ней. Отмеченные выше критические замечания не затрагивают валидность ключевых положений диссертации и полученных научных результатов. Скорее, они ориентируют автора на продолжение предпринятого им исследования. Поэтому они не влияют принципиально на общую положительную оценку рецензируемой работы – тем более, что избранные для исследования проблемы многогранны и дискуссионны по своей сути. Это обстоятельство неизбежно порождает разнообразие суждений и интерпретаций фактов, которые были обнаружены и разработаны В. М. Морозовым.

Работа В. М. Морозова является оригинальным, законченным и целостным исследованием. Ее содержание соответствует паспорту специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики, и профилю диссертационного совета. Избранная диссертантом тема бесспорно актуальна и характеризуется научно-теоретической и практической значимостью. Постановка научной проблемы в основных ее аспектах является новой. Положения диссертации, выносимые на защиту, четко сформулированы и последовательно аргументированы. Полученные В. М. Морозовым научные результаты отражены в достаточном количестве публикаций в изданиях,

рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов научных изысканий. Автореферат отображает структуру и содержание диссертации.

Диссертация «Квазигосударственные вооруженные акторы в конфликтах на Ближнем Востоке (на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ)» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г.

Автор работы – Морозов Владимир Михайлович – заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Доктор исторических наук
специальность 07.00.03 Всеобщая история
профессор кафедры истории
стран Ближнего и Среднего Востока
Института стран Азии и Африки
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

25.09. 2025г.

Орлов Владимир Викторович

125009 г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

Тел: +7 (495) 629-74-42

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Подпись проф. Орлова В. В. удостоверяю

Директор ИСАА МГУ
имени М. В. Ломоносова
доктор исторических наук, профессор

А. А. Маслов